

Его жизнь - это рассказ о Боге, который нас любит!

Сразу, как только заходишь на территорию Воскресенской церкви, напротив алтаря храма рядом с большим Поклонным крестом можно увидеть небольшого размера крест. Он установлен над могилой иерея Александра Алпатова, совершавшего в этом храме своё недолгое служение Богу. Ровно десять лет назад принял он священнический сан. Ровно через месяц после рукоположения во священника он погиб, как зрелый плод уже готовый быть в житницах Небесных. Об этом – его служении и жизни в полной самоотдаче сил с любовью и милостью – свидетельствуют многие. Мы же побеседовали о нём с его мамой – Валентиной Ивановной Алпатовой, которая как никто иной наиболее полно могла рассказать о своём сыне. Хотя ей сделать это было очень тяжело – боль утраты единственного дитя в сердце матери не пройдёт ни через десять, ни через двадцать лет, никогда. И согласившись на наш рассказ о нём, она, будто эпиграфом к своему повествованию сказала: «Если это рассказ о Саше, то это рассказ о Боге, который нас любит!»

Крестный ход вокруг Воскресенской церкви, на фото слева – священник Александр Алпатов, отдавший жизнь на служение Богу и людям

Он знал, как бывает больно

Родился Саша Алпатов в киргизском городе Токмаке 21 июня 1972 года. Я, его мать, большую часть своей жизни трудилась экономистом в ПМК (передвижной механизированной колонне) – предприятии сельского строительства, где приходилось работать и в выходные, и в праздники. Воспитывался Александр смирением своей прабабушки – моей бабушки – Цецилии Наумовны, врач-стоматолога по образованию. Она, будучи в преклонных годах (1900 г.р.), тем не менее, имела ясный ум, знала французский, немецкий... Саша рос болезненным, имел слабый иммунитет: одна болезнь сменялась другой. Этих тягот выхаживания, недосыпания, постоянной тревоги за жизнь малыша не выдержал его отец, – Владимир Яковлевич, – инженер-гидротехник. Он покинул семью, когда Саше шёл третий годик.

Разговоров о Боге в семье не велось. Но однажды моя мама, Елена Михайловна, добрый и отзывчивый человек, сказала, что такого больного ребёнка надо обязательно окрестить. На что я, выученная в передовой комсомольской среде, категорически возразила. Спорили недолго, нас примирила и одновременно удивила одна деталь. У Сашеньки на груди, где обычно и бывает нателный крест, складки кожи сами собой образуют тоненький, но чёткий крестик! Несмотря на болезни, а может, и благодаря им, Саша рос спокойным мальчиком, в какие-то «бешеные» игры не играл, был тихим и очень добрым. Сверстники часто обижали его, – «сдачи» он не давал, но не потому, что был слаб. Однажды, отвечая мне на вопрос: «Почему же не отвечаешь на обиду, ну хоть толкнул бы в ответ?», Саша сказал: «Если я его толкну, он может упасть, удариться, и ему будет больно!». Александр знал, как это бывает – больно. Этот принцип – не навредить, не сделать больно – у него прошёл через всю жизнь.

Прабабушка водила Сашеньку в садик, потом в школу. Поскольку она была человек интеллигентный и очень образованный, то и воспитание правнук получил соответствующее. Я же всё время работала, что называется: отработывала в семье за отца. Когда возникала необходимость строгиться, прабабушка так прямо и говорила Саше: «Вот подожди, придёт мама, она тебе поддаст...» Я могла и наказывать, и шлёпнуть. Но по мере взросления, когда лет с 8-9 он начал становиться серьёзным, стало понятно, что с ним надо разговаривать, не прикладывать руки, а объяснять. Сядем, поговорим, и он всё понимал, и исполнял. Потом начала догадываться: Саша проявлял послушание ещё и потому, чтобы мне было не столь тяжело жить, – он заболелся о моём спокойствии! Такое у него было христианское сердечко – дар Божий. Он нас всегда щадил, не кривлялся и не капризничал, был уступчивым и смиренным. Если ему захотелось игрушку, но я сказала, что не могу купить, он больше про неё не спрашивал.

«Я хочу быть врачом!»

Окреп физически Александр уже в отрочестве. Поездки в санатории на Исык-Куль, в Евпаторию и другие здравницы оказали своё благотворное воздействие. Потом мы были и в Москве, и в нынешнем Санкт-Петербурге. Но поскольку тогда не были крещёнными, а привить ребёнку чувство прекрасного, наверное, каждая мать считает своим долгом, то посещали мы и Государственную консерваторию, и Эрмитаж, и Исаакиевский собор, и Александроневскую лавру. Однако смотрели на церковные искусство и архитектуру лишь с точки зрения эстетической, как бы в музей приходили. Словом, жили как в обычной интеллигентной семье – музыка, поэзия, картины...

Окончив восемь классов школы, Александр поступил в медучилище, причём это был его самостоятельный выбор: «Я хочу быть врачом, но хочу себя проверить – начать с малого – медбрата». Учился он хорошо, почувствовал, что врачевание – веление его сердца. Училище окончил в 1990 году с красным дипломом, причём его директор посоветовал поступить в Томский медицинский институт, нынешний СибГМУ.

Вообще у нас в семье было такое воспитательное направление – служить людям. Прабабушка была врачом, и внушала, что врач – это благородно, это – служение людям. Не ремесло, а именно служение! Как-то в поликлинику, где Александр проходил практику медучилища, пришёл дедушка с запущенной трофической язвой. У него была отнята нога и на культе эта самая язва. От вида её и запаха разбежались все. «Представляешь, – размышлял Саша, – этот человек живёт с этим и терпит, а с ним тоже кто-то живёт и

его терпит». Через некоторое время Саша говорит: «Этот дедушка опять пришёл. Медсёстры убежали, так я промыл его рану, обработал, забинтовал и понял, что медицина – не только белый халат, но и сострадание людям. Сказал, чтобы он приходил чаще, я буду ему это делать, ведь кто-то должен ему это делать... У него оказывается есть сестра, но она тоже старая».

В Томский медицинский институт Александр поступил сразу. Но, надо сказать как трудно ему было начинать жить здесь – вдали от дома, где нет ни одного родного или знакомого человека, в общежитии. Боялась, что сломается. Но в нём была внутренняя твёрдость. Соблюдал себя в чести и целомудрии. Это было архиважно, потому что жизнь общежитская в основном разнузданная. В их комнате жило пять человек, некоторые из которых делали уроки по ночам, поскольку вечерами гуляли. Саша не высыпался. Но тем не менее первую экзаменационную сессию сдал досрочно – так скоро он хотел приехать домой и подольше побыть с нами, – волновался за нас, как мы без него.

«Нам надо покреститься!»

Но дома его ждало потрясение: случилась беда с нашей прабабушкой. Не пережила она разрыва с любимым правнуком: как только он уехал на учёбу в Томск, впала в маразм, перестала всех узнавать, обращалась на «Вы», спрашивала: «Где Саша, куда вы его дели?» Потом, когда приехал Саша, она и его не узнала. Ночами плохо спала, кричала. Мы ухаживали за ней. В это время у меня возникла мысль о тленности всего земного и зыбкости всего человеческого. Такой сильный, интеллигентный и умный человек, воспитавший всех от детей до правнука, исчез. Появилось совершенно безвольное существо. А дальше что? И у меня перед лицом вечности, в которую отходила наша прабабушка, созрело стойкое убеждение в необходимости Крещения. Наверняка подобные мысли о тленности и зыбкости бытия возникали и в сознании Саши. Потому что, когда я только раскрыла рот чтобы сказать сыну о необходимости Крещения, как он опередил меня и произнёс первым: «Мама, нам надо покреститься». И мы, уже в конце его каникул, крестились в нашей токмакской церкви, построенной в послевоенные годы в честь вмч. Георгия Победоносца. В том же 1991 году наша прабабушка умерла.

Саша учился в Томске хорошо, с полной отдачей сил. Категорически не пил, говорил всем, что у него аллергия. Потом признался мне, что аллергии никакой не было, просто, как-то попробовав спиртное, понял, что это состояние расслабления ему может понравиться. А известно: подобное псевдонаслаждение почти всегда является роковым. Саше было присуще самоограничение. Он в корне, сразу пресекал страсть, которая могла возникнуть, умел сказать себе «нет!»

Всё первое лето после крещения я ставляла себя идти в храм, как бы тащила

себя за ухо. В голове протекал мыслительный процесс: «Что со старухами теперь?» – «Да! Со старухами, но в храм, к Богу». И Саша, помню, где-то к концу года по телефону сообщил мне с большим восторгом: «Мама, я причастился!» Тогда он познакомился с семинаристами, ушёл из общежития, стал снимать квартиру. Уже приехав на следующие каникулы домой, в своих рассказах стал употреблять такое простое, но глубинное по своему значению слово «братия». А по окончании каникул вдруг сказал: «Поеду домой!» Говорю ему: «Так твой дом здесь». – «Нет, мой дом там!» Томск взял всё его сердце!

Александр проникся красотой православного богослужения, и не просто общался с семинаристами, а впитывал в себя всё. И уже меня учил. Например, я считала, что грехопадение Адама и Евы заключалось в их плотской близости. Что этот запретный плод был лишь метафорой, иносказанием. А он говорит: «Нет! Завет плодиться и размножаться Господь дал ещё в раю, по сотворении Адама и Евы. А суть грехопадения заключалась в непослушании одной единственной заповеди Божией, запрещающей вкушать плодов с одного единственного дерева познания добра и зла, которое росло среди рая. У людей появилось горделивое желание стать «как боги», «знать всё», стать наравне с Богом. Потому гордыня – мать всех грехов и пороков».

Большую практику после 4-го курса он проходил в Токмаке. Мне удалось взять ему вызов-направление в местную больницу. Конечно, уровень студента Томского медицинского института и студента Киргизского медицинского института совершенно разный. Как-то, одному дедушке было назначено очень дорогое лекарство, купить которое у него не было возможности. Так Александр заменил ему лечение другими медикаментами – более дешёвыми, но такими же эффективными. А когда дедушку выписали, Саша, зная, что тот одинокий, ходил к нему домой делать перевязки (была диабетическая язвочка). Уезжая, он повстречался с сыном этого деда, показал как правильно надо делать перевязки, измерять артериальное давление. Когда Саша уже уехал в Томск, ко мне подходили люди и спрашивали: «Когда же наш врач приедет?» Его серьёзно восприняли не как студента, а именно как доктора!

Но знаниями своими Александр не кичился, и похвалу в свой адрес не принимал, говорил, что «это не про меня».

Встреча с Господом

Мы часто переписывались и вот однажды он пишет, что «я всей своей жизнью не смогу Его отблагодарить за то счастье, которое Он мне дал!» Не поняв, я возревновала в ответ: «Кто же это такой, который успел дать тебе столько, что ты ему благодарен больше жизни?» А он говорит: «Счастье может дать только Бог!» Долгое время настольной у него была книга о преподобном Силуане Афонском, которую он цитировал и даже отвечал на ней, и вот здесь сказал, чтобы я открыла на

1988 год, Токмакское Медицинское училище

какой-то странице. Я открываю, читаю: речь о встрече Силуана Афонского с Господом. То есть, Александр пережил то же самое. И этот росток в нём пророс и пророс настолько, что он стал задумываться о монашестве, монашеском пути в своей жизни. «Ну ты же выбрал путь врачевания, станешь врачом», – говорю. А он отвечает, что высшее служение людям – это служение Богу, в руке которого и здоровье, и сама жизнь.

Однажды поняла как глубоко Саша молился Богу. Случилось нам идти с огорода минут сорок, с сумками, наполненными овощами. Я что-то рассказываю. Он пресекает: «Мама, давай мы не будем разговаривать, а будем молиться». К тому времени мне было хорошо известно, о чём речь, я уже ходила в церковь, даже читала и пела на клиросе. «Давай, – говорит он, – от этого места 150 раз прочтём «Богородицу» (молитва «Богородице Дево, радуйся»), как раз должно получиться». Значит, он уже знал про расстояние и темпу ходьбы, что 150 раз эту молитву мы наверняка прочтём. Пошли. Каждый про себя стал молиться. И точно! Дошли очень легко, и быстро, а ноша наша оказалась лёгкой. Говорит мне: «Господь так милостив, что ты никогда не смей сомневаться в этом! Его милосердие Велико!»

В институте Александр проучился семь лет. Интернет уже работал по специальности, вёл занятия со студентами и пономарил в храме преп.Сергия Радонежского, что у Шпалопропиточного завода, настоятель которого иерей Евгений Воронков стал его духовником. Был в каком-то ожидании... Он никогда не спешил и «с наскака» ничего не делал. Да, считал, что действовать необходимо, но ожидая. И Господь свёл его с Катенькой. Познакомились будущие батюшка Александр и матушка Екатерина в церкви. Она приехала в Томск из Узбекистана, из города Навои и также училась в мединституте, и трудилась в храме преп. Сергия Радонежского: пела в церковном хоре и вела занятия в Воскресной школе.

30 января 1998 года поженились. Перед венчанием, как и положено в православной традиции, испросили родительского благословения как у меня, так и у Катиных родителей, и повенчались.

9 марта 1998 года Преосвященный Аркадий, епископ Томский и Асиновский рукоположил Александра во священник сан – диакона. А спустя почти три недели – 28 марта состоялось его рукоположение во иерея. И на следующий же день священник Александр Алпатов пришёл служить в Воскресенскую церковь, на своё первое Богослужение – «Стояние Марии Египетской», совершаемое на пятой седмице Великого поста.

«Всё будет хорошо, – ты только потерпи»

После рукоположения сына я переехала в Томск, работала в Епархиальном Управлении. А жильё нам предоставили в деревянном многоквартирном доме по ул.Шишкова. Много уставала на работе. Как-то пришла, реву: «Ой, не могу я...», а мой сын, – теперь уже отец Александр, – меня как маленькую по голове погладил и сказал: «А ты потерпи. Всё будет хорошо, ты только потерпи. Вот смиришь себя до конца, и всё хорошо будет».

Но того, что касалось греха, батюшка Александр был очень строг. Как-то сидим с матушкой Екатериной чай пьём, и речь зашла про какого-то человека, да настолько «далеко», что мы и не заметили. Вдруг, в комнату входит батюшка, смотрю, он побагровел весь и резким тоном потребовал, чтобы мы сейчас же прекратили: «Вы уже 20 минут как занимаетесь осуждением! Это страшный грех». Мы, как это часто бывает, не осознавая того сползания от обсуждения к осуждению, говорим: «Ну мы же просто рассуждаем». «Нет, – говорит он, – вам надо идти на исповедь и каяться в том, что осуждаете, да ещё и не замечаете этого!»

На службах батюшка Александр с матушкой Екатериной ходили с великой радостью. Он служил, она – пела на клиросе. Они во многом были похожи друг на друга и внешне, и, самое главное, внутренне. У них было внутреннее единство, которое выражалось в самоотдаче, в любви с одной целью – святить людям. В браке Саши и Кати я увидела чудо, когда двое стали одной плотью. Как-то раз они рассказали, что ехали в трамвае, зашёл контролёр, стал проверять билеты. «Мы, – говорят они,

– успели предъявить только один билет, и контролёр не потребовал с нас второй, наверное потому, что увидел, – мы одно!» К сожалению, ребёночка они не успели завести. Катя уже после смерти Саши закончила аспирантуру и уехала с родителями в Нижний Новгород. Живёт одна... Рассказывает, что всякий раз когда ей трудно, она, мысленно обращаясь к отцу Александру, говорит: «Отченька, помоги мне». И помощь приходит. Безусловно, у них есть незримая духовная связь.

На Благовещение, в Страстную седмицу, Пасху и Радоницу они служили в Покровском храме пос.Моряковский Затон, который в тот период времени окормлялся духовенством Воскресенской церкви. Там случилось знамение близкой кончины отца Александра. Во всяком случае так было расценено многими, видевшими это. Когда в Радоницу он заканчивал служить панихиду, от старинной иконы святителя Николая Чудотворца через весь храм излетел лучик-молния в сторону батюшки.

Но и ему самому было как-то открыто, известно о часе смертном. В тот же день вечером, после служения Радоницы, он с матушкой приехал в Томск. На следующий день – в среду 29 апреля он, провожая меня до Петропавловского собора, на территории которого размещалось тогда Епархиальное Управление, всё молчал, – обдумывал, как бы сказать то, что хотел сказать – и, остановившись у мосточка через Ушайку, произнёс: «Знаешь, мама, скоро у нас в семье будет несчастье, очень скоро, возможно сегодня, – немного выдержав паузу продолжил, – вероятно, с летальным исходом. Возможно пожар». Говорил медленно, подбирая слова, обдумывая как бы мне это сказать, чтобы одновременно и подготовить, и не ранить. Я спросила: «А нельзя как-то помолиться, чтобы этого не произошло?». Он посмотрел на меня с сожалением и произнёс: «Мама, готовиться надо». Я вся сжалась в комочек и говорю: «Так как к такому подготовиться то?». «Бог даст. Всё в Его воле! – Затем, как бы спохватившись, он продолжил: – ты знаешь, я побегу, мне сегодня ещё много надо успеть сделать». А в этот день ему нужно было послужить

1998 год: батюшка Александр и матушка Екатерина

вечернюю службу в Воскресенской церкви, а перед вечерней повенчать, после вечерни покрестить, и ещё в больнице поимпровизировать, причастить и пособоровать больного.

Вечером батюшка пришёл уже поздно – в десятом часу. Но какой он был светлый! Я его увидела и вскричала: «Катенька, ты только посмотри, какой он хорошенький!» А он, сияя каким-то внутренним светом, сказал: «Слава Богу, я всё успел!» Да, за своё короткое, почти месячное служение в священном сане, иерей Александр Алпатов успел совершить все виды Таинств и треб!

«Всё, пора...»

Мы поужинали, он прочитал необходимое священнику молитвенное правило для служения Божественной литургии. Потом мы, вместе помолвившись, легли спать. И представляете, я обычно (когда сын, готовясь к службе читал молитвенное правило и ложился спать в моей комнатке) ложилась спать к Кате, а тут подошла к нему и прилегла бочком к его сердечку.

Мне показалось странным его сердцебиение: оно очень сильно и тревожно билось. У спящего человека так сердце не бьётся, понимаете! Он готовился!

Уже было за полночь. Наверху послышался треск и шум, замелькало зарево. Там, на втором этаже, жили пьющие люди, и я подумала, что у них просто очередная пьяная бессонная ночь с дракой. На улице что-то стреляло, в комнату доносился запах гари, – крыша горела, – а я подумала, что местные мальчишки зажгли очередные весенние костры, которые частенько вспыхивали по ночам на берегу Ушайки.

Вдруг батюшка встал и сказал: «Всё, пора...» Он уже знал,

что пришло его время... И тут в доме погас свет. Я побежала в прихожую, а там дыма полно, потолок уже горел. И в этот самый момент меня пронзило: «Вот оно то, о чём говорил сын!» И всё, далее полное беспомощность. Когда я в отблесках этого огня в глазах забежала в комнату и закричала: «У нас пожар, горим!», увидела, что батюшка одевает свитер. Я ему: «Ты куда?» А он одевался в готовности ринуться в огонь и спасти людей! Квартира наша была в конце коридора, впереди нас были ещё квартиры, и мы не знали, что люди уже спасаются сами, что уже подъезжает пожарный наряд и скорая помощь. Он не думал о том, чтобы спастись самому, просто выпрыгнув в окно.

Когда мы заселились в эту квартиру, находящуюся на первом этаже нам показали, что в случае экстренной ситуации, надо, раскрыв створки окна, открыть замочек железной решётки и откинуть её. Даже проделывая всё это, надо было затратить много времени, которое батюшка позволить себе не мог: он думал, как можно быстрее спасти людей! Люди в опасности! Но ведь это означало одно: выйти в горящую прихожую, открыть входную дверь и пройти через бушующий огонь в коридоре.

Потом я обдумывала: «Почему же я его не остановила?» Ведь очевидно: идти в огонь – смерть. Я могла бы на нём повиснуть и оттащить. А во мне тогда было чувство того, что батюшка знает всё, что делает. Я только лишь посмотрела ему в след, как он выбежал из квартиры и... испарился, исчез.

Далее, уже не помня себя, я, пожилая женщина, сама открывала все эти тяжёлые рамы и решётки, и всё кричала: «Катя, где Саша? Саша?! Саша!...» Кругом мрак, в комнату врывается едкий дым из коридора. И вдруг слышу внизу под окном хриплый голос: «Мама, мама, я обгорел...». Он протянул свои руки к нам, чтобы вытащить нас. Уже все люди были на улице, в доме остались только я да Катя. А окно располагалось всё-таки высоко над землёй. Катя взобралась на подоконник, прыгнула и, как потом сказала, «даже не почувствовала, будто меня кто-то очень нежно взял и поставил на землю». Я протянула руки к сыну, коснулась его плеч, но мои руки соскользнули, оставляя на пальцах липкую ткань – это была его кожа. Он обгорел на 80%. В изнеможении он опустился на землю. Тогда я вскарабкалась на подоконник и прыгнула... Я повредила левую ногу, и до сих пор у меня при ходьбе болит коленная чашечка.

Батюшку отнесли к машине «Скорой помощи». Пожарные стали тушить огонь... Сначала у него был анафилактический шок и он не чувствовал боли, а потом стал говорить: «Вот и боль приходит...». Стал весь раздуваться, скручивались пальцы рук, отекало лицо. Я с ужасом смотрела на всё это и думала: «Ну что врач так медлит, надо же скорее вести в больницу, оказывать немедленную помощь!» Для меня это время тянулось очень медленно. Промелькнула мысль: наверное, я вижу своего сына в последний раз. Так и случилось, больше его я не видела. Его увезли, а я ещё долго

Рядом с большим Поклонным крестом, напротив алтаря Воскресенской церкви – место упокоения иерея Александра Алпатова, который ныне, как мы веруем, пребывает на Небесах и продолжает своё священническое служение: предстоит Богу и молит о нас, грешных!

была на пепелище, пока и меня не увезли в Петропавловский собор. Матушка Екатерина была с батюшкой до конца, и рассказывала, что он очень сильно мучился и очень сильно молился.

Пасхальное чудо

В глубине души я ждала пасхального чуда Божия, чуда исцеления. И Господь проявил Своё пасхальное чудо, но в другом – дал отцу Александру силы терпеть боль до конца.

Потом, уже семинаристы, навещавшие его в больнице, рассказывали мне, что были у батюшки и пели с ним Пасху. Представляете, у человека 80% ожога, а он поёт Пасху! Он очень любил песнопение «Христос воскрес из мертвых» на греческом. Он общался, хотя не мог видеть никого, запламы глаза, но вероятно открылось духовное зрение: он знал кто к нему приходил. К нему приходили друзья, прихожане, и с ними он разговаривал. На вопрос как больно, батюшка, улыбаясь, отвечал: «Так, когда на солнышке сильно обгоришь». Священник Евгений Воронков исповедал его, а в напутствие сказал: «Молись о нас всех, кого знаешь, кого когда-либо видел».

«Когда отец Евгений закончил, смотрю, – рассказывала Екатерина, – отсоединили капельницы, стало ясно, что все усилия по сохранению его жизни бесполезны: почки отказали, начался некроз. Я заплакала, а Саша говорит: «Матушка, ну-ка не плачь, а то сейчас на поклончики поставлю». Потом батюшка вдруг сказал: «Вот и матушка Ирина рядом присела». А тогда всем приходом и монастырям Томской Епархии сообщили, чтобы молились о здравии иерея Александра, в частности, сообщили и в Могочинский монастырь. То есть, батюшка своим духовным оком увидел молитву о себе матушки Ирины с сёстрами обители.

Отец Александр умер в 5.30 утра 1 мая. Более суток он жил с 80% ожога кожи! Не кричал, не изнемогал в бессилии, а жил! Он обладал большим сердцем, которое вмещало всех. Это я ощутила после похорон, когда ко мне, стоявшей возле его могилки, подходили люди, много людей. Они плакали, рассказывая такое, что я каждый раз удивлялась: мой мальчик, ещё ничего-то в жизни не видевший, ну что он мог знать, а слышу: многие его благодарят! Каждому он находил какие-то слова утешения. Такая у него была зрелая душа. Он мог понять каждого человека и принимал его сердцем.

Одна бабушка ходила в храм молиться о сыне, который наркоманил и пил. Отец Александр её утешал, говорил: «Всё хорошо будет, только верить надо, с верой молиться, да с молитвой терпеть». А когда батюшка умер, эта бабушка часто к нему на могилку приходила и плакала: «Ну ты же обещал, что всё хорошо будет». И вот недавно я её встретила, она сказала, что сын перестал колотиться и пить...

Верую, уповаю на милость Божию, что Господь упокоил душу раба своего иерея Александра в обителях светлых. И молится он за нас, грешных. По воле Божией и по Емy ведомым причинам взял Господь от земли жизнь этого ревностного, пламенеющего любовью служителя Своего, как зрелый плод уже готовый быть в житницах Небесных. Вечная ему память!

Записал иерей Святослав Зулин